

НАВЕ РНО..

из дневн

В ГОДЫ моего детства, во времена первой империалистической войны, я впервые встретился с чехами. От них я узнал, что они, насильно поставленные под ружье и добровольно сдавшись в плен, не были и не будут нашими врагами, потому что мы — народы-братья. Это было видно по их добродушным лицам, это проступало в мягкости общения с детворой и в каждом штрихе поведения их в плену. И они скоро освоились в нашем рабочем поселке, встав к станкам, сблизилась с населением, и особенно с заводским людом.

Каждый из них применял себя, свои руки, знания и умение, как мог, как позволяли возможности и способности. В большом рабочем поселке, где мы жили тогда, пленные чехи образовали небольшой оркестр, и в часы досуга русские слушали чешскую музыку. Для меня впервые открылся удивительный мир звуков. Мир звуков бессмертных Сметаны и Дворжака. Вспоминая теперь события и встречи более чем полувековой давности, мне кажется, что и моего великого земляка Чайковского по-настоящему раскрыли и для нас, ребят, эти чешские музыканты, извлекавшие самодельными смычками из таких же не очень концертных скрипок мелодии гениального Петра Ильича.

Они исполнили и русскую народную музыку. Без нот. По слуху.

Наверно, эта музыка, как и все русское, была близка им.

Пленный рабочий Ян-чех (так называли школьного мастера-столяра нашего училища) дал мне в руки основы ремесла, любовно и заботливо привил уважение к труду, не оставлявшее меня никогда и прошедшее потом через все мое творчество, начиная от детских рассказов и сказок до романов и публицистики. От Яна-чеха в школьной мастерской я узнал о рабочем классе и его ведущей роли в обществе.

Лишь потом, в студенческие годы, я понял, что Ян-чех обучил меня не только умению владеть инструментами, но и преподавал мне первые уроки политической грамоты.

Наверно, Ян-чех в те годы не был беспартийным и одиноким. Не случайно же он после Октября 1917 года оказался в резком, а потом с винтовкой в руках ушел защищать завоевания революции. Наверно, они были ему, чеху, дороги, как и русским большевикам.

Другой чех вошел в нашу родню. Он женился на моей двоюродной сестре, и никто из круга наших знакомых не осудил молодую русскую женщину, вышедшую замуж за пленного иноземца. Потому что он был чех, разговаривавший на языке, корни которого были близки к русским словам. Потому что он молился так же и тому же богу, что было очень и весьма немаловажно для общественного мнения тех лет. Его сын и теперь гордо носит чешскую фамилию, передавая ее внукам. И я горжусь, что в нашей родне был чех.

Правда, потом он уехал к себе, оставив семью. Наверно, любовь к родине была сильнее другой любви. Наверно, по этой же причине моя двоюродная сестра не могла оставить Россию, где все ее корни.

Зато другая, вышедшая замуж за молодого, тоже пленного музыканта Неймана, оставила в России мать, отца, стала чешкой, и лет через пять она писала нам письма на русском языке уже с чешским «акцентом». Ее звали Манечкой. Она была очень жизнерадостна. Была? Может быть, и есть. Ведь я же жив, а она моя

чала чешская речь. Появилось множество чешских журналов и газет.

А потом Ксения побывала и в Чехословакии, испытать, проверить и закрепить свои, пусть не шие, познания языка, чтобы написанное по-чешски звучало и по-русски.

В Праге дочь познакомилась и сблизилась с лестной молодой сердечной женщиной, нежные отношения с которой, переписка, обмен посылками не вались очень долго. А потом...

Потом это все начало сокращаться и наконец рвалось.

Наверно, хуже стала работать почта...

Мне всегда было радостно получать свои книги бывшие из других стран, повторно рожденные в том языке. Не надо, мне кажется, доказывать, мне была дорога каждая моя книжка в чешском словацком переводе. Каждый писатель знает, как нетно вскрывается бандероль, где твоё сочинение не только твоим и не только русским.

Не слава и, конечно, не гонорар (за перевод книги я никогда и ничего не получал, кроме авторского экземпляра), а нечто большее радует тебя. Это сознание, что ты читаем другим народом. Это рубли и копейки не переведешь, этого не зачесть в книжной летописи.

Пусть не так много, впрочем, и не так мало произведений было переведено в Чехословакии все же были. И даже маленькая сказка, детский были ниткой в ткани дружбы наших стран. Я ли вырезал из журналов Чехословакии, из газет и свою мелочь, опубликованную там, и наклеивал в том переводов. Но за последнее время переписки книги приходили из Чехословакии реже. А и вовсе не приходили... Из моей жизни ушло очень немаловажное ее звено. И я пытался об этом тем, что, наверно, типографии были заняты печатанием...

Так оно и случилось, о чем мы узнавали по которому было мучительно слушать, и из газет, шихся с болью.

Типографские машины, выполняя «особые задания» пытались зачеркнуть все, что так давно создавалось, самой историей на благо всех народов, с ных единой социалистической судьбой, одним восхождения к светлым вершинам.

Бережно я хранил и храню не только переводы и сувениры, подаренные мне чехословацкими друзьями. Даже мелочи. И кажется, ничто не разъединяло соединяло — все. И вот сейчас на столе, где я выписки из дневника и, комментируя их, превращаю в статью для еженедельника «Литературная Россия» стоит с букетом флоксов большой чешский кувшин весело расписан орнаментальными листьями, скалами оленями, а в его центральном медальоне нарисованы стилизованные столярные инструменты: рубанок, лущковая пила, топорик.

Будто товарищ, подаривший мне этот кувшин, что я чту память о Яне-чехе, и не без подтекста этот подарок с профессиональным «гербом» рабочего столяра. А может быть, я и рассказывал ему о чешском учителе.

Легко ли мне было в эти дни смотреть на кувшин сквозь медальон которого проступает доброе и лицо Яна-чеха, любившего русских мальчиков, каковых сыновей. Что бы сказал он, плоть от плоти, от крови сын рабочего класса своей отчизны? Он посмотрел на то, что чуть-чуть не случилось в Чехословакии?

Наверно, Ян-чех в числе первых подписал бы нитые письма из Чехословакии о помощи.